

Вкус
- неиспорченной -
души

Дмитрий Завадский

Дмитрий Завадский

Вкус неиспорченной души

«Издательские решения»

Завадский Д.

Вкус неиспорченной души / Д. Завадский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835662-9

Стихотворения — это полет души, величавый и самовольный, самобытный и неудержимый. Стихотворения — это способ окунуться в атмосферу, окружающую человека, проникнуть в его видение мира и мысли, это удивительный способ передачи красок течения времени. Стихотворения — смысл жизни. В них нет вранья, фальши, позерства. И если вы так не считаете, то, к сожалению, вы оказались в ненужном месте в ненужное время...

ISBN 978-5-44-835662-9

© Завадский Д.
© Издательские решения

Содержание

«Словно в невесомости витают знакомые ноты...»	6
«Улыбнись, читатель, и учи, то, что пишется мной впрок...»	7
«Телефонные гудки обрывают нити мыслей...»	8
«Да, я готов жить...»	9
«Это не мой город...»	10
«Вдали сверкает изумрудный город...»	11
«А я все так же веду счеты с кармой...»	12
«Среди бетонных стен, расплавленных микросхем, где пыль и грязь...»	13
«Приди ко мне, когда от меня отвернется каждый...»	14
«Наверное, ты не знаешь, что будет после этой строки. Поверь, я тоже...»	15
«Один чай. Один сахар. Еще один чай...»	16
«Я срываюсь на ровном месте, заставляю мне близких рыдать...»	17
«На этих пустых, переполненных куртками улицах...»	18
«Видал твоего идола, твоего бога...»	19
«Тысячи снов, но пара судеб...»	20
«Бетонный пол – это грань утешения...»	21
«И снова не засыпаю, до утра испишу все листы...»	22
«Когда захочешь сдохнуть – позвони мне...»	23
«Мысли под потолком, но я тебе не сокру ни грамма...»	24
«Не ищи меня среди толп людей...»	25
«Когда становится паршиво на душе...»	26
«С воскресенья на понедельник, около двух...»	27
«Мы говорили об одном и том же...»	28
«Ты ничего не знаешь о боли...»	29
«Я уличал в двуличии людей и наблюдал...»	30
«Состав загремел по рельсам...»	31
«Комнатный политолог, диванный аналитик...»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вкус неиспорченной души

Дмитрий Завадский

Дизайнер обложки Карина Коховец

© Дмитрий Завадский, 2017

© Карина Коховец, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-5662-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Внимание! Говорит душа...

Каждый человек что-то хочет кому-то сказать: у него наверняка есть мысли и переживания, которыми он хочет с кем-нибудь поделиться. Возможно, кто-то пишет и для себя, не выставляя свои произведения публично. Кто-то играет с рифмой, ямбом, кто-то очень любит создавать произведения, отвечающие всем требованиям литературных норм. Кто-то пишет и живет этим, кто-то попросту без этого не может... И кем бы ни считал себя любой творец, как бы он ни относился к творчеству, однажды он поймет, что даже самая наивная забава стихосложения была не так уж и наивна – ведь тогда говорила душа!

Читайте, дорогие, неспеша. Помните о том, что то, что вы читаете – это чья-то жизнь, это эмоции, ощущения, порой не идеально сложенные, но точно идеально правдивые. Искренне надеюсь, что для вас стихотворения – это не просто какие-то записки, это нечто большее, неживое, но одушевленное, то, что заставит вас смеяться, улыбаться, размышлять, сочувствовать. Стихотворения – это полет души, величавый и самовольный, самобытный и неудержимый. Стихотворения – это способ окунуться в атмосферу, окружающую человека, проникнуть в его видение мира и мысли, это удивительный способ передачи красок течения времени.

Стихотворения – смысл жизни. В них нет вранья, фальши, позерства. И, если вы так не считаете, то, к сожалению, вы оказались в ненужном месте, в ненужное время...

«Словно в невесомости витают знакомые ноты...»

Словно в невесомости витают знакомые ноты.
Я бы сказал, не просто знакомы – затерты до дыр.
Странно, но вкус не меняется долгие годы,
И не меняется в целом мой мир.
Яркие краски – повыше частоты,
Хмурые дни – тоскливый мотив.
Для одиночества, для непогоды,
Только и создан мне фон – негатив.
Все так привычно, банально до жути,
Маршрут мой изучен до мелочей.
Мало кто знает, о чем я, по сути,
Путь только мой ведь, и больше ничей.

**«Улыбнись, читатель, и учи,
то, что пишется мной впрок...»**

Улыбнись, читатель, и учи, то, что пишется мной впрок,
После знака «двоеточье», выучи всего пять строк:
Счастье в горстке вишни спелой,
В тонком стебле васильков,
Счастье покоряется несмелым,
Тихим, робким, неумелым,
Но достойным. Вот и все!

«Телефонные гудки обрывают нити мыслей...»

Телефонные гудки обрывают нити мыслей,
Где-то во мраке заблудилась моя мерзлота.
«Проси прощенья, ну же, не тяни с ним»,
Слова порой ценнее золота, ценней тогда,
Когда ком в горле давит и виски в тисках.
Искать всю жизнь любовь, найти и угасать,
Как рыба о лед биться, локти кусать —
Цена чего-то жесточайшего, чего не сыскать.
Метро, трамваи, вокзал, университеты...
Большого города огни спешно проводят взглядом.
Я был успешным иногда лишь – никаких секретов,
И то, когда она со мною была рядом.
Нужно со свитой во главе биться о водоем,
Который замерзал всегда.
Сейчас всегда.
Сорок семь минут... Семьдесят два часа...
Кофе, пицца вдвоем...
Всегда менял лицо.
Но вот сейчас на мне нет лица...

«Да, я ГОТОВ ЖИТЬ...»

Да, я готов жить.
Жить – это как цветку расти водой поливаемым.
Только бы сорняком не стать и недругов не нажить,
Когда стану легко узнаваемым.
Я готов жить честно, открыто,
Не стесняться чужих ничуть,
Только б знать где собака зарыта:
Какой путь не ведет к мечу?
Я мечтал и убил мечтателя,
Я любил, но познал лишь ненависть,
Я писал и убил писателя —
Мне пора изменять свою летопись.
Жить готов, пусть не сразу все вяжется,
Жить готов, забыв про огорчения,
Но порою мне вовсе кажется,
Будто жизнь не имеет значения...

«Это не мой город...»

Это не мой город,
Это не мой мир,
И тут нет друзей,
Только есть враги.
Сам по себе,
Как псих —
Ноша не тяжела,
И я свой край достиг...
Жил или выживал?
Кому-то в ножны меч,
Кому-то трон навеки,
Кому-то голову с плеч,
Кому-то жить калекой.
В людях нет людей,
В мире мира нет...
Вместо стержня в духе
Слышен звон монет...
Жаждой власти в плен
Взята треть толпы.
Вам бы встать с колен,
Выйти с царства тьмы...
Да, сам по себе.
Да, совсем один...
Пусть исчезнут все —
Этот мир противен!
Этот немой город,
Этот немой мир,
И тут нет друзей,
Только есть враги.

«Вдали сверкает изумрудный город...»

Вдали сверкает изумрудный город,
Автомобили движутся неугомонно,
Но скоро все замрут и уползут по норам:
Недолго до суда осталось.
Меня поймет тот человек, который верит в Бога.
Или хотя бы в справедливость. Хоть немного.
Я с Бахом налегке бегу за город и возвращаюсь, лицезрея
человеческих рук дело.
Сверкает изумрудный город. И на душе немного потеплело.
А ведь все будет сожжено. Дотла. Каждый захочет все потом
вернуть назад...
Но жизнь одна, а на весах все чаще перевешивает мгла. Как бы
исправить все не опоздать...
Все суетятся, норовят сорвать куш да побольше – все это
классикой становится. Все это надоело!
Бегу и на ходу рисую мысли, тут же их стирая ластиком, слушая
вой тоскливой акапеллы.
Конец необратим, значит не стоит удивляться, чего все так
бесчеловечно.
Наступит гробовая тишина. Несколько раз ударит молот.
Все соберутся, приговор озвучится навечно.
Немного жаль, что будет так, ведь мне так нравится мой
изумрудный город...

«А я все так же веду счета с кармой...»

А я все так же веду счета с кармой:
В квартире запираюсь, мыслью тешусь – станет лучше завтра,
Но все так же все холсты пусты и время битвы, но я с холостыми,
но все равно пройду чьи-то посты...
Ноет сердце и болят старые раны, но старый волк покажет всем
опять улыбку на экране.
Эх, рано мне страдать! – еще во мне не заблистал Есенин,
И не увидел мир картины Рембрандта, но, к сожалению, плохой
из меня Моисей.
Быть может подождать? Пожну же что посею.
Рассеянный я: мимо бежит весь мир, а я возвращаюсь и мне кажется,
что он на месте крутится.
Вложу-ка я опять что-то сюда – а может кто-то купится...
– Тук-тук! – стучится карма мне в окно квартиры, мол, – вылезай,
нашла ориентиры!
С издевкой медленно пробормочу:
– А что на этот раз наметим?
– Опять не густо, ведь за старое ты не ответил!
Пустые тары просветят огненные фары – насквозь людей могу я
видеть – кармы подарок.
Опять снятся кошмары.
И я бегу по мостовой и вижу огненные блики: горят святых святые
лики, исчез куда-то постовой...
А я ведь говорил им: если трудно, значит просто вой!
Желтая пресса – но толку нет от слов, что не имеют веса!
Сгорело все дотла – я видел многих тут живых, но живых в котлах.
Не удивительно, что я сижу в депрессии:
Меня гнев от беспомощности много лет преследует, как Сталина
репрессии.
Видел, как снял одежду фрик, но глупо верю: есть на свете
настоящий Санта.
И где-то между промелькнет надежда: вдруг все будет лучше
завтра?
Пока у меня есть надежда изменить все – есть смысл на завтра
наставлять будильник.

«Среди бетонных стен, расплавленных микросхем, где пыль и грязь...»

Среди бетонных стен, расплавленных микросхем, где пыль
и грязь,

Я теряю себя.

Среди обломков и кирпичей, пропадаю, увы, насовсем. Ни дать,
и ни взять.

Я теряю себя.

Среди шума и ругани, зла, не видно ни зги.

Если ты слышишь, прошу, помоги...

«Приди ко мне, когда от меня отвернется каждый...»

Приди ко мне, когда от меня отвернется каждый.
Я знаю, что всякий брошенный камень вернется однажды,
Но меня это никак не волнует, пусть останется это за кармой,
Я постараюсь забыть все.
Может, заново сяду за парту.
Приди ко мне, когда я перестану себе доверять.
Меня ломает когда-то, попробуй не потерять.
Когда-нибудь стану другим, может сложным,
Знай: только ты мне поможешь. Возможно.
Позарез нужно быть уверенным, пока в здоровой памяти,
Что когда не узнаю тебя, ты не станешь тем самым предателем.
Все поставлю на карту с тобой, куда я ни буду идти!
Я просто люблю тебя. Если можешь – не подведи.

«Наверное, ты не знаешь, что будет после этой строки. Поверь, я тоже...»

Наверное, ты не знаешь, что будет после этой строки. Поверь, я тоже.

Мозг загорожен, будто у дурака. То, что работает еще с первоисточка, по приказу господина «злости дня» меня тревожит. Давай сыграем. Ты – судья.

Ну вот тебе моя душа.

Давай, открой ее, вверх дном переверни все, не спеша.

Пусть не смущает тебя вовсе, что каждодневный бунт нанес увечий больше, чем если бы сорвавшись с троса груз массой под тысячу и фунт упал на торс рабочий.

Простить изволишь? Ты ж не чужой теперь! Открой вот этот вот отсек.

Знакомься с малодушием, виной чужих потерь, покрытой плесенью и спрятанной от всех,

Немой любовью для детей. Подвинь бочонок со злорадством и оправдавшие не раз гнилье нутра вопросы;

За всем вальяжно распластавшись, девчонка распускает, словно косы,

К богатству жажду, изменяя на исходный желчью вкус,

Что был грильяжный, и тихим шепотом внушает, что самый мудрый – эпатажный трус.

Не надоело ли тебе, мой новоиспеченный гость, за кругом мерить круг; глазеть, не закрывая век?

Снуют повсюду, издавая вой, влеченные гордыней, толпами и врознь, враги, врагом которых будет человек.

Нет, я не знал, что будет после этих строк, поверь.

Выбросил шляпу в сторону судья и убежал, захлопнув дверь.

Нет проигравших. Значит, не было побед.

Я улыбнулся от души, если там что-то хоть еще душевное осталось.

Взяв в руку карандаш, я напишу одно: нам судей нет.

А если есть, позволь твою душонку посмотреть, хотя бы малость!

«Один чай. Один сахар. Еще один чай...»

Один чай. Один сахар. Еще один чай.
Глазища грустные. Мысли сумбурные.
Наверное, давным-давно одичал,
Как из развалин одиноко торчит арматура.
Она не дура, да и я не дурак.
Кричит натура, когда рубит кто-то с плеча.
Да не руби! У нас антимануфактура —
Точно не меньше лампочки Ильича!
Мало кто поймет, о чем тут речь идет.
Я бы и сам был рад понять, серьезно.
Я разберусь: кто я, кто ты и кто не в счет.
Нужно немного времени. Лишь бы не стало поздно.

«Я срываюсь на ровном месте, заставляю мне близких рыдать...»

Я срываюсь на ровном месте, заставляю мне близких рыдать.
Подскажите мне, кто-нибудь, как с собою мне совладать?
Обзываю плохими словами. Я животное, это уж точно.
Хоть и свиду я как скала, из-под ног же уходит почва.
Да, тарашатся люди в метро. Ты права, они нам не помеха.
Из-за плача и боли тупой, ты услышишь тут только эхо,
Отголоском больших надежд прозвучит: он безмерно виновен.
Ты прости. Чтобы наверняка, ты пойми, что я просто болен...

«На этих пустых, переполненных куртками улицах...»

На этих пустых, переполненных куртками улицах,
Где каждый получает звание, имя и титул,
Пожалуй, я стану безымянной тенью,
Чем стану измерять счастье в литрах,
Рукоплеща под сонмы чужих лжевидений,
Выжидая никогда не наступавших каникул.

«Видал твоего идола, твоего бога...»

Видал твоего идола, твоего бога.
Я рассмеялся, плюнул мысленно в него.
Твой бог убог, и может лишь немного,
Хотя под его дудку пляшет чуть ли не любой.
Твой бог убог, запомни это.
Я рассмеялся как-то раз и вышвырнул его подачки.
Да, отказался от звона монеты,
Мне не нужны все эти клубы, виллы, тачки.
Я презираю то, чему отдался ты сполна.
Твой бог дешевка. Твой бог фальшивка.
Ты слеп и чашу пьешь до дна.
Ты раб. Ты быстро проглотил наживку.
Тебя волнует больше всякого из жемчуга колье.
Что может хуже быть твоего места?
Твой бог – валюта, биржи, акции, у.е.
Тебя не жаль мне, если честно.

«Тысячи снов, но пара судеб...»

Тысячи снов, но пара судеб...
Тысячи слов, но пара судей...
Невнятно что-то бормотал я ночью,
Понятно было: падал, точно.
Кому-то клятву дал, кого-то предал,
Об этом явно пожалел немало.
Уткнулся в что-то и накрылся пледом,
Чего-то явно не хватало.
В комнате сам, мне не уютно,
Не греет сердце грош в записке.
Ну хорошо, хотя б не людно.
А впрочем, я решил задачку!
Терял, теряю, находил, найду.
Доволен, вроде, но иду ко дну.
Если бы знал, что будет так:
Вроде живу, а вроде нет,
Я ни за что б не стал, кем стал,
Я б ненавидел звон монет...

«Бетонный пол – это грань утешения...»

Бетонный пол – это грань утешения,
А у меня такое редко бывает, но жестко.
Ты думаешь, я не в ответе за все те решения,
Что принял, будучи нервным подростком?
Ты ошибаешься, дядя. Ошибаешься, тетя.
Дело не в возрасте, дело не в карме.
Дело в чем-то мне неподвластном, о чем вы все врете.
Клад ведь ищут совсем не по карте...
Да, я мир ненавижу. Людей презираю,
Вернее натуру людскую. Она мне противна!
Я тот, кто я есть, я ни с кем не играю,
И вера в цитаты наивна.
В моем цирке, иль парке, иль прочем отстойнике,
Нет ни красок, ни грима, ни кайфа,
Нет чести. Как в лавке посудной громят чашки слоники,
Стоя на месте. Беги от меня и не возвращайся!
Оставшимся что посулят? Как всегда:
Отчитал и ушел, как священник в грехах.
Жизнь – река пересохшая. Зато совесть чиста.
Нет, вранье! – перебыю впопыхах.
Странно, у всех тут любовь все спасет,
В животах кружат бабочки.
Точно спасет? Хорошо!
А у меня в животе лишь разбитые лампочки...
Не ныряй в мой мирок, если хочешь найти приключения.
Ты совсем не поймешь то, о чем я пишу.
Может болен, иль нет. Ты нырнул? Будь уверенней:
Захлебнешься. Если выживешь – я задущу.

«И снова не засыпаю, до утра испишу все листы...»

И снова не засыпаю, до утра испишу все листы.
Говорят, что не модно.
Я знаю.
Взрыв, разрыв – я сжигаю мосты.
Разжигаю костры быстрым взмахом руки,
Польхает чердак. Я его не спасаю.
Давно спят, давно спят дураки.
А я снова не засыпаю: вот еще бы хотя б две строки!

«Когда захочешь сдохнуть – позвони мне...»

Когда захочешь сдохнуть – позвони мне,
Я обещаю, что бы ни было – найдем общий язык.
– Какая разница, как жарко летом, если я на зимнем?
– Вот то-то и оно. Пока чужое не свое, оно смешней в разы.
Бывает всякое, мы разные, не спорю вовсе.
Да нет, способны люди понимать, но не хотят.
«А мой процент какой?» – вся суть в этом вопросе,
Но как беда настигнет, глазки бегают, как у котят.
Волну поймай, плохое игнорируй, будь наивней.
Ты веселись пока. Пока не май – не жди грозы,
Но вдруг захочешь сдохнуть – позвони мне,
Я обещаю, что бы ни было – найдем общий язык.

«Мысли под потолком, но я тебе не совру ни грамма...»

Мысли под потолком, но я тебе не совру ни грамма:
Я был болен.
Потом был уволен.
Теперь я свободен.
Закончилось скоро кино и приходят уже телеграммы.
Зубной пастой измазаны двери, перила залиты кровью.
Я спокоен.
Удар, за коим
Идет череда побоев.
Ты знаешь, вокруг все всмятку, а я не веду и бровью.
Мой двор. Тут парковка, машины и много снега,
А на нем,
Стоят сани с конем.
Горят окна огнем.
Показалось на пару секунд, что уже пару раз так бегал.
Понятые, досмотр, протокол, клетка три на три.
Проснулся в поту.
Я с собой не в ладу.
– Так в последнем году и должно быть, – сказала мне смерть,
откуда-то изнутри.

«Не ищи меня среди толп людей...»

Не ищи меня среди толп людей,
Если вдруг найдешь – тут же топай мимо.
Тебе вовсе не нужен двуличный злодей —
Он ведь будет брать твои средства грима!
Не ищи меня там, где стоят купола,
Не ищи меня в чем-то хорошем и добром.
Если честно, то поиски страшная кабала:
То он плох кошельком, то не нравится сортом...
Не ищи вообще. Сам найдется когда-то.
Ты ведь милый ангел, зачем тебе бес?
Хотя знаешь, не жди ты заветной даты:
Я трамвай, наконец-то сошедший с рельс.

«Когда становится паршиво на душе...»

Когда становится паршиво на душе,
И день мне кажется очень ужасным,
Я вспоминаю о своих родных,
Что любят меня крепко-крепко.
Не раз на меня вешали клише,
Искали поводов подставить разных,
Исподтишка били под самый дых,
И награждали сонмом выражений безобразных.
Я сдался б уже сотни раз, если не больше,
Но не могу себе я этого позволить,
Пока от меня ждут отдачи,
Мои любимые мной люди.
Я стану поумней, попроще,
Найду местечко для терпенья, силы воли...
Любимые уйдут когда-то в рай, я их утрачу.
Все, что угодно выдержу. Все, кроме этой боли.

«С воскресенья на понедельник, около двух...»

С воскресенья на понедельник, около двух,
Видений полна стала комната и страха.
Причудливые формы безысходности – то чей-то дух,
Когда-то вышедший из тела, павшего на плахе.
Он предвещает мне дичайший образ:
Земля на несколько частей расчерчена,
Вокруг твари зловещие шепчут азбукой Морзе,
Кровавое, нервное, растерзанное тело, изувеченное,
Распласталось ниц.
И кружат стаи черных птиц,
Взмывают в небеса,
Не ведая границ.
Я.
Это был я.
Мое лежало тело.
Ублюдком рос, ублюдком вырос.
Жизнь вызовет, судя по образу, и скоро, на тотами.
Я чувствую давно, что не иду, а ковьялю,
И обо мне уродливо тут что-то пели.
Собаке смерть собачья, а значит до смерти забьют ногами.
Никто рыдать не станет, я надеюсь.
Я ведь хотел уйти, не раз хотел.
Предупреди меня, вещатель, я в тот день побреюсь.
Негоже хоронить, хоть и презренных, но небритых тел.
Я понял: чему быть, того не миновать.
Буду готов с этого дня, готов уйти.
Было бы лучше смерть найти, уснув, упав безвольно на кровать,
Но так судьба распорядилась: как скотину затоптать, убить.

«Мы говорили об одном и том же...»

Мы говорили об одном и том же,
Да только я практичен, ты же – теоретик.
Бывало, ненависть к тебе росла как дрожжи,
Ведь любят больше что снаружи, не внутри конфеты.
И среди тех и этих: кто еще жив, и чья уж песня спета,
Кто жизнь распробовал на вкус годами,
Единогласно скажут, не тая секрета:
Вся жизнь – дерьмо, а люди – твари.
Ты знаешь, я смеюсь теперь, когда мне плохо,
Смеюсь в лицо, противно так, громко и нагло.
Я остаюсь спокоен, если массой правит суматоха,
Ведь я и есть вулкан, что извергает магму.
Теперь ты ненавидь меня – мне все равно,
Хотя когда-то мне был каждый важен...
Наивность, чувства, вера – все ушло,
Оставив горы сгоряча подписанных бумажек.
Мне нечего делить с рабами денег,
Мне нечего делить со всякой швалью.
Мне очень жаль, что правда остается тенью —
Я ухожу опять, укрывшись шалью.

«Ты ничего не знаешь о боли...»

Ты ничего не знаешь о боли,
И совсем не знаешь безумства,
Если ты не орал прилюдно
И не рвал на себе одежды,
Если краской не портил обои,
Если не матерился, но устно.
А холодный бетон уютный,
Когда ты, лишаясь надежды,
Смеешься, как псих, сквозь слезы.
Какая поддержка, о чем ты?
В пустыне безлюдной скорее
Услышишь... Пение, что ли.
Сквозь шторм, миражи и грезы,
Прилив и вой боли отчетлив.
В неволе, под батареей...
Да что вообще ты знаешь о боли?

«Я уличал в двуличии людей и наблюдал...»

Я уличал в двуличии людей и наблюдал
За исходящими от сердца злыми мыслями.
Я величал наличие идей и редко врал
Только тому, кто меня точно вычислил.
Я нервно дергался, кричал, когда меня не понимали.
Звали на помощь – я молчал, отчаливая вдаль в печали.
Я помнил все и всех, и помнил все детали,
Но о себе забыл. Глупее вы, наверно, не встречали.

«Состав загремел по рельсам...»

Состав загремел по рельсам,
Мой поезд взял курс на север.
Совсем не скучаю, честно,
Что много кого отсеял.
В вагоне моем безлюдно,
Но вовсе не одиноко.
Глядит через окна бес люто,
Моргая ресницей ока.
Однажды я выйду в тамбур,
Вашей вытолкну бродяг.
При свете разбитой лампы
Увижу шедевр из коряг.
Устану стоять и прилягу.
Встречу рассвет на полу.
Достану из сумки флягу,
Взятую где-то в тылу.
За счастьем, как за иглкой,
В стог сена, как хищник, ринулся.
Уехал надолго, надолго.
Даст Бог, мы с тобой еще свидимся.
И если от горя залаешь,
Тяжко вдруг станет со всеми,
Где отыскать меня знаешь —
Мой поезд взял курс на север.

«Комнатный политолог, диванный аналитик...»

Комнатный политолог, диванный аналитик,
Собрались вечерком оговорить уйму событий дня.
Назвались группой «всесторонний критик».
Но что нелепо – говорили только про меня.
Я рядышком присел и мысли «умные» послушал,
И много нового узнал о том, чем я живу!
Как оказалось, бездарь, хам, большущий вруша,
И тип противный я. Еще осел, понятно и ежу.
Я хитрый жук и лицемер, и неудачник даже,
И весь мой имидж состоит только из масок.
Я думал, я – никто, лишь тень среди многоэтажек.
Как оказалось, на глазах бельмо. Воришка ярких красок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.